

ДИСКУССИЯ

Б. НАТАНС: Если я правильно понял, то логика нашей секции состоит в том, что человек волей-неволей узнает и строит свою личность в сравнении или в имплицитном диалоге с другими личностями, а часто и по контрасту с этими якобы чужими личностями. Все доклады касаются послевоенного периода, но в каждом докладе столкновение данной личности с чужими построено по-разному.

Два докладчика, Тимофеева и Манчестер, пользуются исключительно постсоветскими источниками, либо устными, либо письменными, а Файнберг и Чистиков пользуются источниками собственно самого послесталинского периода. Мне кажется, что для изучения истории личности ретроспективный взгляд субъекта особенно рискован, ведь личность обычно действует так, чтобы оправдать именно сегодняшнее «я», а не его предшественников. Не случайно любимым источником для историков личности являются не воспоминания, а дневники.

Так, например, Н.П. Тимофеева анализирует реакции советских офицеров на общество побежденной Германии. Этот доклад опирается на проект интервью, сделанный в Воронежском университете десять лет назад, в 2000–2001 гг., и второй раз — в 2007 г. Почему второй раз, — чтобы, как было заявлено, найти доступ к другому уровню этого травматического и иного эмоционального опыта. Хотелось бы узнать, как различаются эти две серии интервью, какой способ использовался во второй серии? Проблема якобы была в том, что исследователи боялись некой стандартизации памяти среди этих бывших офицеров, ведь травма тоже имеет свои стандартные нарративы.

Как решить эту проблему? В частности, могли ли немцы перестать быть «чужими» и стать «другими» в памяти этих офицеров? И если да, то каким способом? Полагаю, что не все, а только восточные немцы перестали быть «чужими». Было бы полезно уточнить, какими способами осуществлялся этот процесс. И как влияло новое восприятие немцев как «других», уже не как «чужих», на личности советских офицеров? Кстати, было бы интересно подумать о последствиях пребывания в Германии, скажем, примерно тридцать лет спустя, для личности другого русского офицера, который потом стал главной политической фигурой постсоветской России, а именно Владимира Путина.

А.Н. Чистиков описывает нормы поведения советских туристов за рубежом с точки зрения власти и самих туристов. Здесь возможны дополнительные источ-

ники: отзывы о советских туристах, опубликованные в газетах тех стран, которые они посетили. Кстати, некоторые газетные отрывки даже цитировались в современной советской прессе, например, в статьях о корабле «Победа», на котором путешествовали по разным европейским портам советские журналисты и туристы, среди них и Константин Паустовский. Не забывайте и про самого известного туриста данного периода, Никиту Хрущева, который оставил довольно яркие впечатления во время своего беспримерного визита в Америку в 1959 г. И здесь было бы полезно сравнить газетные описания разных стран.

Дина Файнберг исследует впечатления двух советских журналистов, которые работали в Америке и стали свидетелями ярких примеров открытого расизма, а также подъема контркультуры 1960-х гг. Ее журналисты развивают старую, на мой взгляд, традицию, возникшую еще в античном мире, согласно которой разные политические системы воспитывают разные человеческие качества: демократия, монархия, диктатура и так далее. Мы видим, как в их статьях легендарная «русская душа» легко перерождается в «советскую душу». И возникает вопрос: как сравнивать личность в «закрытом обществе» с личностью из так называемого «открытого общества»? Неужели открытая личность процветает прежде всего в закрытом обществе?

Файнберг пишет, что журналисты взяли на себя роль «инженеров человеческой души». На мой взгляд, это не совсем так. Мне кажется, эти журналисты далеки от метафоры промышленности, и это показательно: несмотря на то, что они граждане самой передовой страны в мире, они в своих статьях предпочитают старую личность, личность позднего романтизма, которая смотрит, скорее всего, назад, а не в светлое будущее.

Лаури Манчестер предлагает довольно оригинальную постановку вопроса, анализируя столкновения бывших русских эмигрантов из Китая, якобы сохранивших чистую дореволюционную русскую культуру, с советскими гражданами, — как будто друг с другом вдруг встречались русские люди разных эпох. Для бывших эмигрантов это не географическое перемещение, а хронологическое, как будто они провели свою эмиграцию не в Китае, а в машине времени.

Здесь, как и у Н.П. Тимофеевой, основные источники — ретроспективные, из постсоветского периода. Возможно ли, что потребность объяснить и оправдать свое решение вернуться на родину стала гораздо сильнее после крушения СССР? Если так, то в какой степени можно верить тем специфическим объяснениям, которые дают герои доклада Манчестер? Она пишет, что те эмигранты, которые возвратились в Советский Союз, думали о себе и как об индивидууме, и как о неразрушимом, уникальном коллективе, который играл роль в сохранении дореволюционного прошлого России в советском периоде.

По-моему, надо как-то проблематизировать эту выбранную роль: это способ оправдать свое решение вернуться на родину, которое они теперь, может быть, видят как ошибку? Есть ли доказательства того, что они на самом деле играли такую роль, или они только так думают? Если так, то как можно измерить эффективность такой роли? Наконец, Манчестер полагает, что эмигранты из Китая думали о себе как об отдельной этнической группе. Это можно принять как их самоописание, но для меня это не более чем метафора. То есть почти невозможно думать, что это действительно отдельная этническая группа, на мой взгляд.

Некоторые общие размышления о докладах. Главный для нашего коллоквиума вопрос (здесь признаюсь, что я его позаимствовал из предисловия на веб-сайте), — насколько изучение личности, то есть субъективного, способно приблизить исследователя к осмыслению актуальных проблем российской истории? Я буду стараться задавать некоторые вопросы по этому плану. Первое. Как повлияло на столкновение с зарубежными «другими» тот факт, что Советский Союз уже был многонациональной страной? И вообще, почему в наших дискуссиях до сих пор отсутствует вопрос о личности и национальности, то есть об этнической идентичности как составляющей части субъективности?

Второй вопрос. Поскольку наша секция посвящена вопросу о том, как восприятие «другого» действует на субъективность, то надо также спросить, как влияла постсталинская доктрина «мирного сосуществования» на отношения «себя» и «другого».

И третий вопрос. Если предполагается, что внутри постсталинского общества возник некий плюрализм, или, как стало модно теперь говорить, некое «разномыслие», то не изменило ли это обстоятельство саму идею «себя» и «другого»?

В.А. ИВАНОВ: Исследование личностных (субъективных) аспектов в российской истории приобрело в современных условиях знаковые черты. Обнаружились важные тенденции в осмыслении роли человеческого фактора не только в «делании» материального мира, но и в иной (не провиденциальной) общественной судьбе, человеческой истории. А это, как говорят, дорогого стоит. Понимание механизма личностно значимого в историческом «перпетуум-мобиле», как представляется, позволяет ответить на некоторые весьма непростые вопросы нашего исторического прошлого и настоящего. В этом контексте вполне уместно порассуждать о представленных для обсуждения докладах уважаемых коллег Л. Манчестер, Н.П. Тимофеевой, А.Н. Чистикова и Д. Файнберг.

Дж. Биллингтон, возможно, был прав, когда высказывал предположение, что положительные тенденции российской идентичности очевидны на пути сочетания западных политических и экономических институтов с восстановлением религиозных и моральных институтов нашей собственной культуры. Но в XX в. осуществить это было практически невозможно, потому что, как замечал О. Манделштам в своих ярких стихотворных строках, «мне на плечи бросается век — людоед». И это, конечно, о веке человека индустриального, отравленного логикализмом, вошедшего в него с грузом инвариантных представлений и практик, консервативным адаптивным инструментарием. Р. Грейвс говорил о XX в. как об угрюмом и антипоэтическом столетии, где господствовал эмпиризм в обличье здравого смысла. Для Ф. Фукуямы XX в. представлялся эпохой диспластики, с болезненными проявлениями социальных изъянов (например, интеллектуальная невменяемость идеологии социальной исключительности советской цивилизации и советского человека) и т. п.

Самоопределение (поиск себя на фоне образа другого) всегда подчинялось своим внутренним закономерностям, высшей целью которого, с позиций социального ожидания, объявлялась диалогическая личность. И всё же социальные форматы самоопределения такой личности как процесса в содержательном изменении оформлялись духовными сегментами. Р. Грейвс был прав, утверждая, что

материальный порядок зиждется на порядке духовном. Опыт XX в. лишний раз показал, каким трудным был процесс создания социокультурных инграмм диалогического пространства как внутри национальных культур, так и вовне.

Этот же опыт позволил убедиться в том, что формирование в советской России диалогического типа поведения могло происходить при учете по крайней мере двух важных обстоятельств. Во-первых, следовало более пластично воспринимать проблемы встроенности человека в свое время. Современники понимали, что это время было всегда другим, чем то, из которого выросла социокультурная данность. При этом сохранялось почти непреодолимое непонимание поколениями друг друга. Одновременно происходил стремительный переплав «прошлого», встраивание и узнавание «нового». Напластование катастроф XX в. (войны, революции, государственный террор и т. п.) не только усложнили адаптивную практику личности, но и актуализировали поисковые инстинкты к диалогу и сговорчивости. Нельзя было не учитывать и того, что значительная часть современников этого века почти реально ощущала «стремительное уплотнение времени» (А. Панченко и др.), калечащего исторические традиции, вводящего новые жизненные ценности, освобождающего или формирующего очередные социокультурные мифы.

Во-вторых, следовало учитывать проблему самоспособности советского (постсоветского) человека к открытости для других. Обнаружилась еще одна неприятная истина — катастрофическая закрытость личности советского человека как некая симметрическая антитеза. «Открыть» такую личность для диалога, в подлинном его смысле, оказалось сложнее, чем «закрыть» ее. Понимание того, что утаивание есть прием фальсификации человеческой истории, произошло не сразу, скорее, только в середине 1980-х гг. В 1930–1970-е гг. попытки расчистки диалогического пространства, например от мифологизированной идеологии социальной исключительности советской системы и человека, многим стоили свободы и даже жизни. В том же советском обществе всегда были интеллектуалы, которые понимали, что увеличение информированности посредством диалога непременно приведет к подрыву тоталитаризма. Пожалуй, только осознание ценностей выживания человеческой цивилизации после катастрофы 1940-х гг. стало важнейшим навигатором при поиске универсального пути к открытости и диалогу. Осознавали это и в Советской России.

Лаури Манчестер предприняла попытку ответить на ключевой вопрос о цене исторического прозрения русских из Китая на примере второй и третьей волн эмиграции. Ее исследование — образец анализа неотфильтрованных (государственной машиной, общественными предрассудками и политизированными стереотипами) фрагментов подлинной исторической картины становления советскими гражданами русских из Китая. Автор обнаруживает такие чрезвычайно важные «мелочи», которые позволяют наиболее полно реконструировать сложный и весьма противоречивый процесс их социализации «по-советски». Во-первых, это был мучительный процесс адаптации. И Лаури воссоздает атмосферу, сложившуюся вокруг возвращенцев, пытаясь уловить доминанты неприятия, отторжения культурно-исторического традиционализма и дореволюционной русскости эмигрантов из Китая. Во-вторых, они одними из первых, как нам представляется, испытали на себе последствия многолетнего растрепания, затемнения

рассудка и непрерывной государственной лжи в Советском Союзе. Осмысливая это, исследовательница производит глубинные замеры «высокого» и «низкого» в «мы» и «они», пытаюсь окончательно прояснить позиции русских из Китая по отношению к своим двум родинам. Это оказалась весьма чувствительная тема, убежище глубоких разочарований. Автор подробно анализирует содержание формального и неформального в культурно-цивилизаторской миссии эмигрантов из Китая в отношении других русских. И в этом контексте мы становимся невольными свидетелями презентации иной чувствительности и иной утонченности, в значительной мере не востребованных и даже несколько чужеродных.

Нам очевидно, что проблемы, поднятые автором, многоаспектны. К примеру, не всё прояснено с ответственностью эмигрантов за свое самоопределение в новой общественной среде. Не всё просто и с соотношениями коллективного и индивидуального в их поведении и деятельности. Было ли, например, их отторжение как носителей дореволюционных традиций «зряшным»? Наконец, как воспользовалось советское государство услугами (профессиональным опытом, дарованиями, духовностью и др.) вернувшихся русских? Как среди их представителей происходило формирование сдержанного оптимизма относительно будущего Советского Союза? И т. п.

Н.П. Тимофеева исследовала такие проблемы, как образы немцев и Германии в восприятиях советских военнослужащих до начала Отечественной войны, существенные перемены в этих восприятиях в ее ходе и особенно после ее окончания. Немцы и Германия изучаются не сами по себе, а как фоны образов другой жизни, другой ментальности, других «я», «мы» и «они». Автор пытается разобраться не столько в динамиках изменений этих представлений, сколько в интенсивности и насыщенности самого процесса рефлексии, чрезвычайно важного для личностного самоопределения, прежде всего, советских офицеров, оказавшихся в окружении иной цивилизации. Нельзя не согласиться с позицией исследовательницы, при которой изучению становятся доступны проблемы не столько травмированного сознания, сколько смыслообразующие константы парадокса сознания — некой «инакости», особенно в схеме «мы» и «они» (по типу возникающих ощущений: либо мы обмануты, либо это новое открытие).

Наталья Петровна приближает читателя к пониманию схематики самоопределения советского военного более выразительно, чем это изложено в их биографических анкетах, сохранившихся в архивах. Послевоенная Германия и немцы оказались для советских офицеров более многомерной реальностью, порождая у некоторой части их амбивалентные, смешанные чувства. Автор дает понять, что освобождение мифологизированного сознания от стереотипов идеологии (как советской, так и нацистской) становилось одним из рецептов исцеления от авторитаризма вообще. Каждый из советских офицеров унес «свою Германию», своеобразно переплавив ее в сознании и ощущениях. Господствующая на родине победная риторика не позволяла многим из них публично и гласно позиционировать свое другое, отличное представление о загранице. Ценным представляется использование исследовательницей нарративно-биографического интервью для получения дополнительной информации о советских военных в Германии и немцах, в частности в меняющемся послевоенном десятилетии.

В то же время в исторической реконструкции процесса личностного самоопределения офицеров СВАГ в 1945–1949 гг. есть своеобразные лакуны, которые еще предстоит заполнить. Так, например, не совсем понятно, почему советские военнослужащие, как правило, уклонялись от воспоминаний о первом месяце пребывания советских войск в Германии, Венгрии и Румынии. Помимо этого, специалисты хотели бы получить более весомые аргументы при обсуждении тезиса о том, что ауры «декабризма» среди советских офицеров, побывавших в Германии в 1945–1949 гг. и вернувшихся в СССР, не было и т. п.

А.Н. Чистиков в докладе, посвященном советскому туристу за рубежом в 1950–1960-е гг., вызвал у слушателей неподдельный интерес к ряду вопросов, ранее не обсуждавшихся публично вообще. Так, обращаясь к периоду «оттепели», исследователь акцентирует внимание на исключительно политико-идеологическом характере организации поездок советских туристов за границу, жестко регулируемых государством. Автор объясняет читателям суть господствующего в этот период у разного рода руководящих инстанций подхода (триады) к советскому туристу: отдыхать; достойно представлять советское государство; работать (т. е. изучать заграничный опыт для улучшения народно-хозяйственного производства и т. п.).

Докладчик прав, когда утверждает, что попытка советского руководства разрушить в середине 1950–1960-х гг. стереотип железного занавеса политикой «полуоткрытых дверей» в сфере организации поездок советских туристов за границу была не совсем удачной. Научные, культурные, деловые и собственно туристические мероприятия носили неизбежный политический и идеологический оттенок. В научном плане весьма ценными и, пожалуй, наиболее объективными выглядят реконструируемые автором периоды отбора и подготовки советского гражданина к поездке за границу, общие темы собеседований с ним, организация спецпроверок и наведение справок о нем и т. п. Сложный и весьма противоречивый процесс самоопределения на фоне образа «другого» наиболее ярко проявился, по мнению А.Н. Чистикова, в столкновениях, взаимодействиях, общении с иностранцами. Обращение к обширным архивным источникам и коллекциям открытых материалов, в том числе и зарубежных, позволили докладчику удачно и объективно реконструировать совершенно не известные ранее широкой общественности в советской России сюжеты поведения советских туристов, а также отклики и отзывы о них в зарубежных СМИ. В них нашлось немало весьма лестных и возвышенных отзывов. Отчеты руководителей советских туристических групп, публикации заметок и очерков самих туристов в центральных и местных газетах, к анализу которых прибегает докладчик, помогают глубже понять не столько «заграницу», сколько сам процесс ее восприятия, уяснить насколько «личными» и «общественными» были их наблюдения, испытывали ли они на себе дыхание времени и если да, то насколько сильно.

Разумеется, такие крупные постановочные проблемы доклада А.Н. Чистикова нуждаются в углубленном изучении и дискуссии. К примеру, ждет своего всестороннего анализа и оценки решение ЦК КПСС от 10 января 1968 г., утвердившего «Основные правила поведения советских граждан, выезжающих за границу и порядок их инструктирования», которые в системе МООП СССР в тот период были оформлены в виде специальной инструкции.

Дина Файнберг в докладе «По Америке в поисках социалистической души: советские журналисты-международники в США, 1950–1985 гг.» пытается на их журналистских материалах встретить «социалистическое» в американской капиталистической реальности. Автор справедливо указывает на то обстоятельство, что среди многочисленных советских журналистов-международников в те годы было крайне мало высококлассных специалистов, понимающих то, что действительно происходило в западном мире. Анализируя журналистские материалы Б. Стрельникова («Правда») и С. Кондрашова («Известия»), докладчик утверждает, что личная позиция, политические пристрастия и особенно системные требования заметно влияли на содержание и направленность опубликованного ими материала. Имея в виду тот факт, что в Советском Союзе в исследуемый период массовый читатель знал о Соединенных Штатах значительно больше, чем в предшествующие 1930–1940-е гг., автор обращает внимание на заметный крен в редакциях ряда ведущих советских газет на «озадачивание» журналистов-международников по срочному поиску «социализма» в западных цитаделях капитализма. Судя по их публикациям, порой действительно складывалось впечатление, что США, например, были куда более «социалистической» страной, чем Советский Союз. Во многом такой подход объяснялся инерционностью сложившихся алгоритмов холодной войны и идеологической позицией ЦК КПСС по обеспечению видимости научной респектабельности марксизма и т. п. В то же время Д. Файнберг подмечает непростой характер деятельности советских журналистов-международников в США, где у них не могло не происходить «перепахивания» личностного, профессионального и идеологического. Это — колоссальная и далеко не проясненная проблема, к обсуждению которой нас и пригласила уважаемая исследовательница.

Мне хотелось бы еще раз поблагодарить докладчиков за их содержательные и интересные в научном плане исследования, вызвавшие неподдельный интерес и обозначившие, в свою очередь, новые форматы коллективного обсуждения проблем самоопределения личности советского человека на фоне образа «другого» в конкретной исторической обстановке ушедшего XX в.

А.З. ВАКСЕР: Хотел бы сделать несколько дополнений и комментариев к очень удачному и, на мой взгляд, исключительно интересному докладу Н.П. Тимофеевой.

Ко времени начала войны я был уже кадровым солдатом. В 1939 г. меня, студента первого курса, призвали из Ленинградского военно-механического института в Красную армию. Службу проходил в знаменитой Качинской авиационной школе летчиков, которая находилась в 25 километрах от Севастополя. Там и встретил 22 июня 1941 г. К началу войны прошел уже многие ступени младшего состава.

На фронте в составе авиационного полка в качестве механика по приборам я оказался под Москвой 5 декабря 1941 г. в самом начале исторического наступления. После тех незабываемых дней утекло много воды, много погибло товарищей, многое свершилось. Участвовал в Курской битве, в операции «Багратион» и др.

1945 год застал меня в госпитале в польском городе Высокий Мазовецк. Вдруг нас, выздоравливающих, моментально выписали и сказали: «Поезжайте по своим частям». И всё. Когда я приехал на место базирования своего полка, то

его уже там не было. Началась Восточно-Прусская операция, и мне предстояло догонять свой полк. А он не ехал, не шел, а летел. И пока я добирался на перекладных — где попутной машиной, где пешком, полк оказался в нескольких десятках километров от Кенигсберга.

Что же я увидел на немецкой земле тогда, в дни моих вынужденных скитаний по комендатурам, когда Красная армия впервые оказалась на территории врага. Трудно рассказывать об этом. Я увидел практическую реализацию одной из заповедей войны, которая гласила: «Нельзя научиться бить врага, не научившись его ненавидеть». Ненависти учили сами немцы, результаты их хозяйничанья на оккупированных территориях. Разрушенные города, бесчисленное число убитых, повешенных, разрушенные города и сёла... В нашем полку (как, впрочем, и в других частях) у многих солдат и офицеров были уничтожены полностью семьи... Всё неизбывное горе, слезы, которые принес агрессор на нашу землю, всё концентрировалось в одном чувстве — ненависти. И оно работало теперь в полную меру. Я видел много убитых мирных жителей, особенно в Восточной Пруссии, главным образом владельцев шикарных особняков, принадлежавших, вероятно, верхам нацистской власти и партии. Видел следы грабежей. Был свидетелем рассказов о насилиях над женщинами. Расстрелянных женщин, и тем более детей, не видел. Не видел и следов издевательств.

Историки и гуманитарные науки, на мой взгляд, почти не занимаются изучением ненависти как исторического феномена, игравшего и продолжающего играть в наши дни немалую роль. И в российских революциях, и в Гражданской войне, и в 1920—1930-е гг. он продолжал оказывать немалое влияние. Без учета этого мощного психологического фактора невозможно понять, объяснить многие и многие события и факты, в том числе и репрессии, их восприятие населением СССР. И теперь социальная, межконфессиональная, межэтническая ненависть — объективная реальность нашей жизни. Справиться с ней очень нелегко. По-видимому, проблемы, связанные с возникновением, ролью ненависти, возможностями ее преодоления должны занять должное место в работе ученых всех гуманитарных профессий.

Приведу фрагмент из письма домой, написанного в те дни (мать сохраняла письма): «Путешествуем вовсю. Если бы посмотрели на этих цивилизованных немцев. Как они трясутся. Входишь. Все вскакивают и вытягиваются в струнку. Детей не трогаем. Остальным достаётся. Кровушка отливается. Французы, итальянцы — пленные, все встречают, как родных. Один другого стараются перешеголять в знании русского языка».

В рецензируемом докладе говорится, в частности, о том, как пытались обуздать армию в первые дни после ее вступления на территорию Германии. Упомянута известная статья Г. Александрова в газете «Правда» относительно публикаций И. Эренбурга. Эти публикации пользовались огромной популярностью среди солдат и офицеров. Газета «Красная звезда», в которой они чаще всего печатались, зачитывалась до дыр. Яркие, исполненные огромной экспрессии, они производили неизгладимое впечатление. Статья в «Правде» у личного состава нашего полка не встретила должного отклика. У каждого были свои счёты с врагом. Следует учесть, что в течение четырех лет каждый повторял для себя: «Отомстим за наши муки». Этот лозунг нередко повторялся на плакатах, в печати. Приказ

о предании военному трибуналу за факты бесчинств и самосудов против местного населения был более действен. Но даже угроза трибунала, усиление контроля над всякой отлучкой из расположения части действовали не на всех. И людей, потерявших целые семьи, можно понять, хотя и невозможно оправдать.

Позволю себе завершить сюжет одним фактом. Когда я прибыл в полк после скитаний по дорогам и весям ненавистой тогда для нас Германии, мы перелетели в город Мариенбург, который был только что взят наземными войсками. Пошли в город. Неправильно говорится, что немцы везде жили одинаково. Это не так. Немцы действительно шикарно жили в Восточной Пруссии, а вот остальная Германия жила значительно скромнее. Так вот, увидели в предместье целый поселок роскошных коттеджей, чудесно обставленных, полных не только дорогой мебели, посуды, но и с погребами, набитыми бесчисленным количеством всяких яств и консервов. У каждого дома лежали убитые мужчины.

А когда мы вошли в эти роскошные коттеджи, присмотрелись, то оказалось: это была обстановка, собранная со всей ограбленной Европы и даже СССР. В том числе столы на кухнях были белорусские, стулья были украинские и так далее. А когда спустились в погреба, то по этикеткам на консервах можно было изучать географию Европы. Так что вот такую Германию, которая ограбила всю Европу и за счет этого жила прекрасно, мы увидели с первых шагов.

Войну наш полк завершил в 50 км от Берлина, в составе 2-го Белорусского фронта. И поскольку наш аэродром оказался на территории 1-го Белорусского фронта, то нас сразу перебазировали на территорию 2-го Белорусского фронта, в прекрасный приморский курортный городок Барт.

Это мирный с первого взгляда город, в котором был прекрасный, редкий для того времени бетонный аэродром. Там всё было, на первый взгляд, тихо и мирно. Работали кафе, немцы танцевали, и когда мы приходили, они тоже с удовольствием с нами танцевали. А когда мы приходили в столовую, то около столовой сидела вереница женщин и детей. Они не просили милостыню, просто сидели, потому что есть немцам было нечего. И несмотря на то, что боль от разрушенных Малоярославца, Брянска, Минска не проходила, постоянно кровоточила, мы всегда выносили хлеб и раздавали этот хлеб детям.

Однажды меня пригласили в одну семью. Казалось, это была на первый взгляд мирная семья. Мы сидели, разговаривали, немножко я знал немецкий язык, частично к тому времени выработалась определенная манера общения с немецким населением жемами. Случайно обратил внимание на абажур. Он был красив, затейлив. Мое внимание на этом абажуре привлекла выколотка. Она что-то мне напомнила. И когда присмотрелся к этому абажуру, то увидел, что это абажур из человеческой кожи с наколками. И мне больше в этой, приятной на первый взгляд семье не захотелось сидеть.

В рецензируемом докладе очень интересный материал о том, насколько немцы были аккуратными и как это удивляло советских солдат и офицеров. Действительно, немцы славились и славятся аккуратностью. Во время войны у этой аккуратности проявилась и иная сторона. В этом же Барте, оказалось, был завод, который выпускал первые в мире реактивные истребители «Мессершмит-262». И был лагерь, в котором содержались только американцы, французы и англичане. От лагеря остался большой двухэтажный каменный барак. Стоял он на

отшибе, и никто в него не ходил. Как и почему меня вдруг занесло в этот барак, я уже вам не скажу. Я вошел в этот барак посмотреть, как жили пленные американцы, англичане. Обыкновенная длинная казарма, узкий проход между двух-четырёхэтажными нарами с матрацами, набитыми сеном. Прошел с одного конца до другого. И когда выходил, то почувствовал, что у меня под гимнастеркой что-то колет. Отвернул полу гимнастерки и ужаснулся. Я ничего подобного никогда не видел и, дай Бог, уже не увижу. Весь подол гимнастерки был черным от блох, которые остались от военнопленных. Вот обратная сторона культурной и ухоженной Германии периода войны.

И последнее. Докладчик правильно сказал, что был такой весьма примечательный эпизод, когда Никита Сергеевич Хрущев в период известной сессии ООН отличился своими манерами. Действительно, когда сегодня читаешь об этом, то невольно возникает оторопь от того, как вел себя высокопоставленный чиновник, человек, руководитель Коммунистической партии Советского Союза на всемирном форуме. Но историк, как мне представляется, не может никогда руководствоваться только тем, как воспринимается событие сегодня. Историк — только тот, кто понимает эпоху, людей безвозвратно ушедшего времени, в котором происходили те или иные события. Без этого он не историк. Мы понимали тогда это несколько по-другому. Почему? Вот меня в конце войны вдруг произвели в офицеры, и после этого я вынужден был прослужить еще в армии десять лет там, где Макар телят не пас, на южных границах Советского Союза.

Мы довольно часто встречались с американцами во время войны. И американские летчики, техники рассматривались нами, как лучшие друзья. С ними мы находили приемлемый и всегда понимаемый язык лучше, чем, скажем, с англичанами, с которыми мы встретились в сорок первом году. Они были по духу нам гораздо ближе и понятнее, нежели англичане. Но даже в первые недели после войны в том же Барте по тревоге пришлось поднимать в воздух наше дежурное звено с заданием посадить самолет, который без всякого разрешения оказался в контролируемом советской стороной воздушном пространстве. В то время уже воздушное пространство над Германией было полностью распределено между союзниками, но это распределение касалось всех, но только не США. Американцы считали возможным летать там, где они хотели. Самолет перехватили и заставили сесть на наш аэродром. Это был обычный транспортный «Дуглас» С-47. Пилоты торопились доставить материалы к Потсдамской конференции, которая должна была открыться через несколько дней. Самолет и экипаж вежливо задержали и продержали на аэродроме, пока конференция не завершилась. А нам на всё это время пришлось превратиться в дипломатов. Оружием нашей «дипломатии» стал волейбол. С утра и до вечера дулись у сетки, а вечером шли смотреть очередной фильм в клуб.

Взаимное дружелюбие, которым отличались отношения во время войны, куда-то испарилось. Этому во многом способствовал и сепаратный, по сути, мир, подписание которого при вынужденном участии советского представителя инициировали американцы и англичане в Реймсе с правительством адмирала Деница, не проконсультировавшись с советской стороной. Этот явно недружественный эпизод, о котором мы узнали раньше по «солдатскому радио», произвел и на меня, и на моих товарищей тяжелое впечатление, как измена союзническому

долгу. Приведу цитату из письма, которое я написал домой в те дни: «...Да, Победа!! Но не та, которую мы ждали. Англичане и американцы все-таки порядочные сволочи. Вспомним добрым словом Рузвельта».

А позже, вскоре после войны, когда нашу дивизию перебросили на южные границы для охраны Баку, мы имели возможность еще и еще раз убедиться в бесцеремонности американцев, пренебрежении ими элементарными нормами международного права. Они вели себя бесцеремонно и нагло. Вызывающее стучание об стол ботинком Хрущева на заседании ООН было лишь ответом на не менее вызывающие действия американцев. В воздушное пространство СССР с аэродромов Турции и Ирана систематически вторгались самолеты-разведчики типа «U-2». Объявлялась тревога, поднимались дежурные звенья. Но достать самолет-нарушитель они не могли. Американцы летали на больших высотах, которые были недоступны нашим МиГам. Нам вновь и вновь давали предметный урок несоблюдения международного права, о котором бесконечно теперь говорится в либеральной прессе. Это были уроки наглого бесправия!

Вы можете себе представить, как мы на это реагировали. Я думаю, что это было похуже, нежели стучание ботинком. Поэтому многие одобряли поступок Хрущева. Перед международным бандитизмом в любых формах надо не расшаркиваться. Бандитов, как говорил наш премьер, «надо мочить».

Г.П. СИДОРОВА: Я докторант кафедры истории культуры РГПУ им. Герцена, занимаюсь культурой повседневности советской эпохи. На выступление меня побудил доклад А.Н. Чистикова «Советский турист за рубежом», а именно один из выводов выступавшего, что представления советских людей о том, каким должен быть советский турист, совпадали с официальным идеалом. Выступавший объясняет это воздействием государства. Согласна, но мне кажется, что этот феномен имеет еще одно объяснение. Изучение культуры повседневности советской эпохи позволяет говорить, что личность советского человека, образно говоря, — это чехмодан с двойным дном.

В 1985—1986 гг. мне пришлось работать инструктором по иностранному туризму в профсоюзном комитете Ульяновского автомобильного завода (УАЗ). В мои обязанности входило комплектование групп заводчан в зарубежные туристические поездки. С одной стороны, у меня был план областного совета профсоюзов, с другой стороны — работники завода, которые не хотели ехать в Болгарию, Чехословакию, Германию и т. д. Отказ мотивировали дороговизной. Я бегала по цехам, выясняла графики отпусков, организовала какую-то наглядную рекламу, выступала по заводскому радио, в газете, беседовала с людьми, но мне отвечали, что всё это дорого. Когда я пыталась доказать, что всё не так уж дорого, путевка в Болгарию стоит всего 250 рублей, мне возражали: «Но ведь нужно еще с собой денег взять, что-то купить». В ответ на мое предложение взять денег поменьше, мне отвечали: «А зачем тогда ехать?» Нашего небогатого советского человека поездка за рубеж, если интересовала, то с практической, в основном материальной точки зрения.

Тем, кого мне удавалось уговорить, предстояло пройти собеседование в парткоме автозавода, а если человек собирался в капиталистическую страну, то и в райкоме КПСС. На собеседовании нужно было объяснить цель поездки (после моих уговоров это выглядело, мягко говоря, странным), назвать имя секре-

таря Коммунистической партии страны назначения, иногда ответить на вопросы о своей работе и семье. Человек, собираясь на собеседование, советовался со мной: «Вы меня уговорили, теперь помогайте — что я должен отвечать?» Разумеется, я давала советы, и человек на собеседовании отвечал идеологически правильно: едет посмотреть мир, жизнь рабочего класса в этой стране. И никто не говорил, что едет туда купить дефицитные у нас вещи, одежду. В данном случае человек в процессе адаптации с целью выживания принимал идеологию внешне, только форму. Его внутреннее содержание не соответствовало этой форме. Поэтому я называю советского человека «чемоданом с двойным дном». Причем это не уникальная черта характера именно советского человека. Это типичная черта русско-советского менталитета, русской и советской культуры — двоемыслие.

Еще одно замечание по поводу вчерашнего утверждения о том, что государство манипулировало коллективом и личностью. Это совершенно справедливо, но односторонне. По-моему, правильнее говорить о взаимодействии: и личность манипулировала государственными институтами, идеологией, коллективом. Когда человеку было нужно выехать за границу, на парткоме он всё говорил правильно, это, на мой взгляд, манипуляция. Личность манипулировала коллективом, когда нужно было достичь каких-то целей. Чтобы получить желаемое, человек составлял характеристику с обязательным штампом: «пользуется уважением в коллективе». Уважение коллектива было важным аргументом. Изучение советской повседневности, которое я веду по текстам массовой литературы, показывает: коллективизм советских людей проявлялся лишь тогда, когда каждый осознавал в коллективном действии личный интерес. Это — манипуляция, или инструментальный подход. Поскольку я работаю в теории системной модели культуры М.С. Кагана и опираюсь на теорию Э.С. Маркаряна, то пользуюсь термином «технология». На мой взгляд, коллективизм и вся советская идеология — технология. Их использовал каждый в меру своего интеллекта, по мере необходимости.

М. СТЕЙНБЕРГ: Спасибо всем, были очень интересные доклады. Я задам только один вопрос Л. Манчестер. Вы сказали, что эмигранты чувствовали сходство с другими этническими меньшинствами в России, потому что они сами — ваши слова — ощущали себя этническим меньшинством в Советской России. По-моему, это интересный аргумент, но я думаю, может быть, возможен и другой вариант: опыт социальной жизни в таких городах, как Харбин, как Шанхай, имел влияние на этот менталитет? Не только в смысле сосуществования с китайцами, но и как особое следствие этнического разнообразия русскоязычного сообщества в Китае. Как вы хорошо знаете, в Китае были не только этнические русские, но и другие, можно сказать, российские национальности, или этнические группы, и конфессии, религии тоже, включая, конечно, евреев, как я уже сказал, как мои предки, моя мама и бабушка с бабушкой. Может быть, это местный социально-этнический контекст эмигрантской жизни, преобладавший в Китае на момент их возвращения, оказал влияние на менталитет возвращавшихся?

А.Ю. ПОЛУНОВ: Я хотел бы начать с замечания по докладу А.Н. Чистикова. Я думаю, не только у меня, но и у большинства коллег, по крайней мере с советским бэкграундом, вызвала массу положительных эмоций бессмертная фраза

из знаменитого фильма «Бриллиантовая рука» «Руссо туристо, облик морале», которую автор цитирует. Эта фраза вызывает поток ассоциаций. Действительно, образ советского туриста за рубежом — один из самых популярных в произведениях культуры, и в фильмах, и в песнях В. Высоцкого (знаменитая песня про выезд за рубеж), и уже на самом излете советской эпохи — в повести Юрия Полякова «Парижская любовь Кости Гуманкова». Естественно, рождается предложение как-то продолжить исследование, затронуть проблему отражения образа советского туриста за рубежом в различных произведениях массовой, официальной и полуофициальной культуры.

Замечание по поводу доклада Н.П. Тимофеевой и Л. Манчестер связано с проблемой, которая, как мне кажется, касается обоих этих докладов. Замечательный доклад Натальи Петровны вызывает вопросы, связанные с тем, насколько представительны устные рассказы офицеров, служивших в Германии. Здесь я согласен с отзывом Б. Натанса: то, как эти люди думают сейчас, еще не значит, что они так же думали тогда. Восприятие тогдашней ситуации очень опосредованно отражается в интервью, взятых сейчас. Я уверен, что в основном исследовании содержится большой массив данных, но в докладе из шести авторов, процитированных в статье, большую часть занимают цитаты А.А. Галкина и Я.С. Драбкина. Возникает вопрос, насколько представительна картина, тем более что Галкин и Драбкин — это известные ученые, и они, отвечая на вопросы, конечно, создавали свой нарратив и в каком-то смысле вели интервьюера за собой.

По поводу доклада Л. Манчестер. Идея о том, что харбинские русские — это особая социальная или даже этническая группа, которая вызвала возражение у Б. Натанса, вызывает несогласие и у меня. Самоописание репатриантов из Харбина, характеристика ими своих ценностей вызывают сомнения уже потому, что в них заметно немало противоречий. Так, вначале они говорят: «Наши ценности — это самоограничение, прилежание, добросовестность», а затем заявляют, что харбинец — тот, кто тряхнет деньжатами. Эти заявления, конечно, противоречат друг другу. Наверное, «автопортрет» харбинцев — это некоторая идеализация действительности, и с ним еще нужно разбираться. Ну и, конечно, вряд ли все они говорили тургеневским языком. Это были люди из разных социальных слоев, и на одном языке, тем более на тургеневском, они говорить не могли. Фраза «тряхнуть деньжатами» или словечко «пацаны», которое встречается в интервью, — это не тургеневский язык. Скорее в самоописании харбинцев присутствовал момент идеализации. Если дальше заниматься разработкой данной темы, наверное, на это следовало бы обратить внимание.

Й. ХЕЛЛЬБЕК: Спасибо за очень интересные доклады всем. Л. Манчестер завершила свой доклад немножко полемической формулой: «Хватит говорить о государстве как источнике личности». Хочется с такой же долей полемики ответить: может быть, рано запевать реквием о государстве. Я бы хотел подчеркнуть в своей реплике к трем докладчикам дестабилизирующую роль или дестабилизирующий эффект на самоопределение человека, находящегося на чужбине, далеко от своей родины, от своего государства. Приходит в голову замечательный дневник Николая Астрова, который вернулся на родину среди первой волны харбинцев в 1935 г. Он в своем дневнике не зафиксировал шок от грязи, зато он зафиксиро-

вал восторг от пафоса истории, которую он наблюдает в советской России. И он об этом пафосе уже давно думал, он, конечно, специфичный человек, сменовековец, тем не менее мне кажется, это надо воспринимать всерьез, и его слова написаны в середине 1930-х гг., не совсем в середине, но это между теми двумя полюсами, которые ты установила. Харбинцы воспринимали себя в роли колонизаторов в 1920-е гг., и интервью с бывшими харбинцами были записаны уже в XXI в. Но между этими полюсами мы находим совершенно другие чувства, и мы должны задаться вопросом, можно ли установить точную идентичность, несмотря на эти свидетельства и на некоторые очень шаткие моменты самоопределения, которые все-таки, мне кажется, важны.

В докладе Д. Файнберг, мне кажется, тоже фигурирует очень интересный момент дестабилизации. Станислав Кондрашов, который несколько лет, даже больше, находился в Вашингтоне и пишет очень интересно о невысказанности и даже о какой-то недоговоренности личной идентичности, его функции, — в общем, человек полон сомнения, это интересное явление. Мне кажется, нельзя ли это рассмотреть тоже как диагноз раздражения человека, который он сам уже составляет? Потому что нет у него таких замечательных руководителей, как в докладе А.Н. Чистикова, которые сопровождают туристов, которые дают моральную стойкость, а он сам находится в Америке, как раз в той самой Америке, в обществе, наиболее противоположном советскому обществу. И у меня вопрос: какие механизмы есть у такого человека, чтобы восстановить себя, к кому он может обратиться за помощью? Предоставляет ли государство или редакция ему такие механизмы, чтобы как-то восстановиться?

В докладе А.Н. Чистикова, где, мне кажется, именно вот эта моральная настойчивость и эти моменты государства очень сильно проявляются. Опять мы видим подавляющую роль государства в формировании человека. Б.И. Колоницкий сегодня утром говорил о том, как в республиканском обществе человек должен иметь недоверие к своему государству, он должен его подозревать. Здесь, наоборот, государство подозревает своих граждан, что они морально недостаточно устойчивы, оно должно их как-то снабжать этой моральной энергией. Вопрос к Александру Николаевичу. Какое различие вы видите между туристами, которые направляются в капиталистическое зарубежье, и теми, что едут в дружественные социалистические страны? Те же элементы, или разная иерархия надзора и моральное воздействие?

Л. МАНЧЕСТЕР: Вопрос Д. Файнберг: я не уверена, что представление Стрельникова об Америке было тесно связано с его военным опытом, впечатлениями о Германии времен Второй мировой войны. Мне показалось (хотя, может быть, я не права), что немецкий народ он оценивал сквозь призму «черно-белого» мировосприятия, впадал в крайность. С другой стороны, из книги Алексея Юрьевича Яковлева мы хорошо знаем, что в то время в Советском Союзе бытовало представление, что есть «хорошая Америка» и «плохая Америка», и мне кажется, что Стрельников все-таки разделял американское государство и американский народ. Вы упоминаете о его встречах с народом, и, может быть, он выделял «плохой» и «хороший» народ, но все-таки я не думаю, что сравнение с Германией, с войной очень помогает вашей работе.

Вопросы А.Н. Чистикову. Когда я читала вашу статью, мне показалось, что описанные вами туристы смотрели на другие страны этнографическим взглядом. В науке существует мнение, что подобное восприятие всегда связано с определенной целью. Может быть, вы не согласны с этим, но если согласны, то какова была их цель?

Сейчас я хотела бы ответить на вопросы о моей работе. Хочу в первую очередь подчеркнуть, что я не работаю в настоящее время над темой, раскрытой в моем сообщении. Я посвятила данной теме отдельную статью, специально подготовленную для конференции. Сейчас я пишу книгу о русских в Африке, в Китае и в Южной Америке с 1861 по 1941 г. Меня интересует, как «дореволюционные» русские, подданные Российской империи, воспринимали народы этих регионов, как общались с ними, и что изменилось в этой сфере, когда русские здесь стали эмигрантами, людьми без гражданства. Однако мы договорились с Й. Хелльбеком о том, чтобы я подготовила статью о русских в России, а не за рубежом, и поэтому я решила написать об эмигрантах из Китая, вернувшихся в Советский Союз. Я согласилась, поскольку не могла понять, почему они все-таки вернулись в СССР? Я хорошо знакома с эмигрантской средой в Харбине и в Китае, знаю, насколько эти люди были религиозны. Мне было интересно разобраться в этом вопросе, и вот «для себя» я и написала эту статью. Но хочу ответить на вопросы, которые мне задали.

В статье я использовала не только воспоминания и устные рассказы. По данной теме есть и архивные документы. Был такой американский историк Брус Адамс, ныне покойный, занимавшийся данной темой. И до того, как он умер (от рака) — а он знал, что умирает, — он сообщил мне, что отдает в архив в США все ксерокопии, сделанные им в российских архивах, и записи устных рассказов, которые я использую. В основном он сам делал эти записи в 1990-е гг. в городах Сибири и Урала. В его материалах есть различные донесения, прошения, рапорты. Я не специалист по советскому периоду, и как историк я привыкла работать с иными материалами: воспоминаниями, дневниками, письмами и так далее. И я не знаю, насколько достоверны партийные документы, где говорится, как какой-то энкавэдэшник что-то слышал, как кто-то что-то сказал... В целом, можно сказать, что у «русских китайцев» действительно был культурный шок от столкновения с советской реальностью, это видно из партийных архивов 1950-х гг. Но это не является основным предметом моего исследования.

Я согласна с Б.И. Колоницким, что историк не может буквально воссоздать «действительность». Он зависит от взглядов, выраженных в источниках, которыми он пользуется. То есть не думаю, что мы можем сейчас точно определить, каково было отношение эмигрантов к советской действительности, когда они вернулись на историческую родину. Меня больше всего интересует, как они воспринимали себя на тот момент, когда писали воспоминания и давали интервью (то есть после распада Советского Союза). Думаю, что в дальнейшем можно несколько изменить направление исследования и усилить внимание к этому вопросу. Относительно замечания Хелльбека насчет источников. Конечно, дневники — прекрасный источник. Когда я писала книгу о сыновьях священников, я широко на них опиралась. Но это далеко не единственный источник, показывающий, как формируется личность человека. Я думаю, что когда человек пи-

шет свои воспоминания — а это очень тяжелый процесс — он, если можно так выразиться, пересоздает свою личность в этом процессе. А поскольку я пишу о коллективной личности, то я бы сказала, что эти люди (репатрианты) нашли себя и сформировали свою коллективную личность только через общение друг с другом. Это случилось (при посредстве печатного слова) уже после распада Советского Союза, когда они могли издавать газеты, писать на любые темы. Так что больше всего я могу сказать об их сознании, их личности — уникальной и коллективной — только после распада Советского Союза.

Был вопрос о том, можно ли называть «русских китайцев» отдельной этнической группой. Меня вообще эта тема очень интересует. Я пишу еще одну статью — она тоже непосредственно не связана с моим новым проектом — об эпохе коллективизации, когда эмигранты первой волны поняли, что уже не вернуться домой, и начинали сознавать, что надо как-то определить свою, как они говорили, народность. То есть они считали, что у них есть своя народность. Я знаю, что это звучит немного дико, но не менее дико говорить о диаспоре как о нации. То есть существование диаспоры мешает дать четкое определение нации. У диаспоры есть всё, что у нации, кроме собственной земли.

Вообще, что такое русский человек? До революции шли споры об этом. Были люди, которые считали, что русский — это православный. Некоторые миссионеры утверждали, что если человек православный, значит, он русский. А другие считали, что человек является русским, если русский — это его первый (родной) язык. Это был серьезный вопрос для эмигрантов. Они спорили и не могли прийти к окончательному выводу. Существовали и определения, основанные на моральном подходе: например, если русская женщина вышла замуж за иностранца, значит, она уже не русская, она потеряла право считаться таковой. Некоторые считали, что русский — это человек, родившийся в России, значит, и евреи, и татары — они все русские. А сословия? Когда эмигранты, бежавшие из России после 1917 г., обнаружили в Северной и Южной Америке, в Канаде русских крестьян, уехавших еще до революции, они не сочли их русскими. В основном это были люди из Прикарпатской Руси (карпатские русины), не говорившие на чистом русском языке.

Те люди, о которых я говорила в своем докладе, вернувшись в СССР, чувствовали себя чужими. Хочу подчеркнуть, что так было не только у русских. Это, как я отметила в своей статье, характерно для всех эмигрантов, возвращающихся на историческую родину после многих лет, проведенных за ее пределами (или даже родившихся за рубежом). Для «русских китайцев», о которых я пишу, контраст был особенно острым, поскольку в России после 1917 г. произошло столько изменений, и разрыв между эмиграцией и возвращением был равен сроку жизни двух поколений.

А.Ю. Полунов задал мне вопрос в письменной форме: «Какие причины побуждали советское правительство добиваться приезда харбинцев в СССР? Потребность страны в рабочих руках или другая причина?» Это очень хороший вопрос. Конечно, самый простой ответ — да, потребность в рабочих руках, ведь СССР понес огромные потери в годы Второй мировой войны. Однако такой ответ кажется немного примитивным. В годы войны, как известно, погибло около 30 млн человек, и возвращение 100 тыс. этнических русских на историческую

родину проблемы не решало. Ситуация была более сложной. Мне кажется, что советское государство не хотело допустить существования зарубежной России. Оно просто хотело ликвидировать ту альтернативную Россию, которая существовала за границей. И еще одна возможная причина — СССР хотел помочь китайцам. Коммунистическое правительство, утвердившееся к 1950-е гг., не хотело, чтобы на территории Китая продолжали жить русские эмигранты. То есть сыграло роль и то, что китайское правительство совместно с СССР подталкивало «русских китайцев» к возвращению на историческую родину.

И последний вопрос. Я понимаю, что государство сыграло огромную роль в формировании советского типа личности. Я не специалист по советскому периоду, но я хочу сказать, что люди, о которых я пишу, родились, воспитывались в другой системе, без государства. Они не имели гражданства и приехали в Советский Союз, когда уже были взрослыми. Я думаю, есть большая разница между человеком, который вырос в СССР, и тем, который приехал сюда взрослым. Устрялов, который вернулся в 1935 г., скорее всего, является исключением — все-таки он родился не в Китае и первые годы после 1917 г. провел в Советском Союзе. Девушка же, которая приехала с его семьей (у меня есть ее воспоминания, я их использую), как раз испытывала такой шок, о котором я писала.

Н.П. ТИМОФЕЕВА: На вопрос Б. Натанса по поводу использованных источников, могу сказать, что я работала во многих крупных архивах России и Германии. В докладе есть ссылки на Центральный архив Министерства обороны РФ в городе Подольске и на Российский государственный архив социально-политической истории. Есть ссылки и на опубликованные источники, например, на сборник документов «Политика Советской военной администрации в Германии в области культуры, науки и образования» (М., 2006). Этот сборник базируется на комплексе документов из трех архивов: Государственного архива Российской Федерации, Архива внешней политики РФ и Российского государственного архива социально-политической истории.

Что касается субъективности интервью, то в этом нет сомнений. Каждое интервью требует проверки другими интервью, обращением к архивным источникам, к мемуарам, то есть к комплексу самых разных источников.

Как отличались две серии интервью, проведенных в Воронеже с ветеранами Великой Отечественной войны? Они очень отличались друг от друга. Во-первых, десять лет назад мы только учились работать в рамках устной истории. Состоявшиеся тогда интервью были проведены в основном по заранее составленному вопроснику и завершали российско-германский семинар, который на базе Воронежского государственного педагогического университета я вела вместе с коллегой из Берлина, госпожой Эльке Шерстяной. Уже после работы в архивах и ряда проведенных мной интервью по проблеме взаимовосприятия русских и немцев в 1945–1955 гг., я поняла необходимость нового обращения к интервьюированию ветеранов войны. Теперь речь идет о нарративно-биографических интервью, с двумя встречами с респондентом, с тщательным транскрибированием и устно-историческим анализом. Но опросы, которые были проведены десять лет назад, являются хорошим дополнением к тому материалу, что я получаю из нарративно-биографических интервью. На первом этапе этого проекта, когда

работала группа студентов, среди респондентов было лучше представлено соотношение мужчин и женщин, участвовавших в войне, соотношение образованных и необразованных людей, выходцев из различных социальных слоев и так далее. Именно поэтому столь важны материалы обоих этапов.

Как воспринимали советские солдаты немцев с Востока и Запада Германии? Те, кто пришел в 1945 г. в Восточную Германию, воспринимали всех немцев одинаково. Мало кто знал о том, что есть саксонцы, пруссаки, швабы и т. д.

Влияли ли немцы на жизнь и личность советских офицеров? Влияли. Например, С.И. Тюльпанов рассказывал мне в 1980-е гг. о сильном впечатлении, которое на него произвело общение с Отто Гротеволем — социал-демократом и сопредседателем Социалистической единой партии Германии. Более того, Сергей Иванович говорил о том, что Отто Гротеволь спас ему жизнь.

Обманулись ли в своих ожиданиях дошедшие до Германии советские солдаты и офицеры? В советской военной пропаганде, безусловно, делалась ставка на традицию германофобии в русской культуре. Но советские офицеры-интеллектуалы опирались скорее на германофильскую традицию в русской культуре. Встреча с иной культурой касалась не только политики, она касалась очень многих сторон жизни, приводила к крушению клише и у германофилов, и у германофобов. Я процитирую Я.С. Драбкина: «Там у нас была домработница, воровала уголь. Заметили, под юбкой ночью выносит брикеты. Мы удивились, что у них это возможно. Она страшно извинялась, но нам казалось, что немцы честные. Вот такое воспитание у нас было, у тех, кто пришел в Германию, знал немецкий язык и, соответственно, был очарован немецкой культурой. Хотя воры, как вы знаете, есть у всех»¹. Это к вопросу о расставании с клише, со стереотипами.

Александр Завелевич, я благодарна вам за то, что вы не остались равнодушны к моему докладу. Надеюсь, что мы с вами все-таки сумеем поговорить в рамках индивидуального интервью, и я убеждена, оно будет отличаться от коллективного интервью, которое вы нынче дали. Советская политика в Германии не является в данном случае темой моего доклада. Конечно, советская политическая элита очень многое просмотрела, не имея опыта управления колониями, как это было у англичан, у американцев, у французов. Советская внешняя политика опаздывала в 1945 г. Отсюда и комплиментарное отношение к немцам в сфере культуры, такое стремление наладить взаимодействие и диалог. Но в этом был и определенный прагматизм.

Насколько представительны отзывы офицеров? Они представительны, хотя мы принимаем во внимание данные всех проектов Центра устной истории, которым я руковожу. Это и проект о принудительном труде «восточных рабочих» в нацистской Германии, и об оккупации Воронежа и Воронежской области, ибо из тех, у кого мы берем интервью, кто пережил немецкую, итальянскую или венгерскую оккупацию в Воронежской области, очень многие после освобождения были призваны в Красную армию и соответственно шли на Запад. Хотелось бы, чтобы больше говорили женщины, но они не любят рассказывать о своем военном опыте. Это уже другой вопрос. Тем не менее интервью с бывшими советскими

¹ Интервью с Я.С. Драбкиным // Региональный центр устной истории в г. Воронеже. Ф. Русские и немцы 1945–1955.

офицерами в Германии относительно представительны, с учетом точек зрения солдат, медработников и так далее.

«Так думают сейчас, значит, не обязательно думали так раньше». Совсем не думали так раньше! В рамках устной истории мы изучаем память, то есть выясняем, почему человек сейчас что-то забывает, а о чем-то говорит; почему он сейчас счел нужным вспомнить то, что очень долго забывал. Почему, например, до сих пор не любят говорить о первых месяцах пребывания Советской армии на территории Германии, Восточной Пруссии включительно, с октября 1944 г.? Спросите — очень быстро переходят к другим темам.

Интервью дают выход на тот сектор памяти России, который оказался сознательно забыт государством, был нежелателен после 1945 г. и который потом оказался в тени Победы. Этот оставшийся не востребуемым опыт должен быть воспроизведен, и в этом я вижу значение того, что мы делаем.

Еще вопрос, который я получила в письменном виде: был ли в реальности среди советского офицерства синдром декабристов? Очень близко к этому вопросу подошла Елена Юрьевна Зубкова в книге «Общество и реформы». Мне, однако, кажется, что те, кто работали в рамках Советской военной администрации в Германии и многое увидели за рубежом, очень хорошо знали, что такое советское государство, и после столь жертвенной войны никто не хотел рисковать.

Были ли среди советских людей те, кто убежал из Германии на Запад? Здесь, наверное, надо уточнить, о ком идет речь, о тех, кто служил в рядах Советской армии или «восточных рабочих»? Среди последних были те, кто после освобождения ушли на Запад, меньше таких было среди освобожденных из концентрационных лагерей. Случаи бегства на Запад советских военнослужащих являлись исключением.

А.Н. ЧИСТИКОВ: Б. Натанс говорил о том, что нужны для исследования дополнительные источники: как иностранные средства массовой информации и иностранные граждане отзывались о советских туристах, в том числе о самом известном — Никите Сергеевиче Хрущеве. В докладе это действительно не отражено, но во вступительном слове я как раз и сказал, что есть два варианта: можно посмотреть отзывы «чужих» о советских туристах и на основании этого сделать вывод о том, каков был образ, и можно посмотреть изнутри. И доклад мой был посвящен другому направлению, о том, как изнутри, как сами советские туристы создавали свой облик и как они его представляли. То, о чем вы сказали, это другое направление, и оно, безусловно, должно разрабатываться. Очень интересно сравнить свой и чужой взгляд, и, возможно, здесь будет определенное совпадение и, естественно, будет какое-то различие.

Совершенно согласен с Г.П. Сидоровой в том, что советский человек был «чемоданом с двойным дном». Вы приводили примеры 1970–1980-х гг., что на парткоме он говорит одно, а в действительности мотивация другая. Я хотел в докладе показать, что когда советский турист приехал и рассказывает в газетах, что он видел, — это одно, а когда он рассказывает своим приятелям, — тогда возникает и иная мотивация, и более человеческий облик, потому что в газетах не писали, например, о том, что у туристов нет денег. Анна Горсач, канадская исследовательница, написала, что одним из развлечений советского туриста было

рассматривание витрин магазинов, потому что на те деньги, которые давали по обмену, они, конечно, не могли покупать много товаров. И я согласен с вашим тезисом, что личность манипулировала государственной идеологией, вот в этом отношении это тоже яркий пример.

Спасибо А.Ю. Полунову за совет изучить песню Высоцкого, знаменитый фильм «Бриллиантовая рука» и другие художественные произведения. Это, безусловно, интересно, тем более что и фильм, и Высоцкий стали классикой. Они уже выходят за рамки хронологического периода, который я изучаю, но это одно из направлений работы. У вас были письменные вопросы, я отвечаю на них.

Насколько массовым был советский зарубежный туризм в середине 1950-х гг. в количественных показателях? Не скажу с точностью даже до десятков тысяч, но замечу, что есть единственная статистика, которая была помещена в журнале «Внешняя торговля», официальная, открытая. Согласно этой статистике, на протяжении 1950–1960-х гг. численность советских туристов неуклонно возрастает от нескольких сотен тысяч до миллиона с лишним во второй половине 1960-х гг. Отмечу также, что надо очень осторожно подходить к этой статистике. Что включалось в понятие туризма? Были ли это только те, которых мы назовем туристами «классическими», или учитывались все правительственно-партийные, спортивные и иные делегации? Эта же статистика давала количество иностранцев, которые приезжали в СССР, и они примерно совпадали. Не было ли стремления сосчитать всех, чтобы было хотя бы соответствие, чтобы не было большого расхождения? Поэтому к этим цифрам надо относиться критически.

Второй вопрос: можно ли по источникам проследить, влияла ли картина западного продовольственного изобилия на политические убеждения советского туриста, верность его советскому строю? Если брать опять-таки период 1950–1960-х гг. и те свидетельства, которые были в открытой печати для широкой аудитории, то, конечно, там не было антисоветских высказываний. Вы прекрасно понимаете, что существовала цензура, которая бы этого просто не пропустила. Но одной из целей туризма было внимание ко всему новому, изучение опыта и перенимание его. И поэтому писали положительно и хорошо о многих вещах, в том числе о бытовых. Это, может быть, не влияло на политические убеждения в самой статье или в самом рассказе, но оно было оправдано и определялось теми целями, которые ставились перед туристами. В современных мемуарах есть признания в том, что их авторы смотрели на то, как живут на Западе, и испытывали определенное разочарование в советском строе. Но это современные мемуары, написанные уже после того как Советский Союз перестал существовать, поэтому к ним надо относиться с соответствующей поправкой на возраст и на время.

Третий вопрос: есть ли сведения о том, как советских туристов воспринимали на Западе? Конечно, есть, и коллега уже говорил о том, что есть статьи из газет и прочее. Я специально этим вопросом пока не занимался, но ради шутки приведу факт из статьи одного эмигранта, который уехал на Запад уже в 1950-е гг. Он идет по музею, сейчас уже не помню, в каком-то западноевропейском городе, и по облику видит, что стоят советские туристы, но они как-то не сосредоточены. Он, выбрав, на свой взгляд, руководителя, подошел и тихонечко по-русски ему говорит: «Ну-ка, соберите всех в кучку, что же вы так разбредаетесь-то». И тот

с готовностью побежал выполнять приказание (*смех в зале*). Это тоже пример восприятия советского туриста на Западе, правда, бывшим соотечественником.

Вопрос Й. Хелльбека: были ли различия между туристами при поездке в кап- и в соцстраны? Действительно, были, и можно много различий назвать, охарактеризую лишь некоторые. Во-первых, различия наблюдались в процессе подготовки к поездке. В страны народной демократии, как их тогда называли, была облегченная процедура выезда, а при выезде в капиталистические страны, естественно, возрастала роль партийных органов, даже уровни партийных органов были более высокими. Далее, в инструктивных материалах писали, что если турист едет в капиталистическую страну, то он должен, во-первых, пропагандировать идеи социализма, а во-вторых, перенимать новый опыт, о котором я всё время говорю. Если он ехал в страны народной демократии, то речь уже шла о пролетарском интернационализме, там не надо было пропагандировать советский образ жизни, там речь шла о том, что нужно не перенимать опыт, а, наоборот, делиться опытом со своими коллегами.

Но вот что любопытно именно для этого времени: было определенное смешение тех же стран народной демократии и капиталистических государств. Еще в середине 1950-х гг. в ГДР ехали люди, имея заграничный паспорт, так же как в США или в Англию, а в Австрию и Финляндию ездили по так называемому коллективному паспорту, как в страны народной демократии. Был список группы, его оформляли в виде коллективного паспорта, и этого было достаточно для предъявления на границе. То есть здесь имелось определенное своеобразие, но оно было связано с политическими моментами.

И последний вопрос, который задала Л. Манчестер: из статьи вытекает впечатление, что туристы смотрят на другие страны этнографическим взглядом. В общем, я не преследовал этой цели, но если так получилось, наверное, в какой-то степени это правда, и вот почему: дело в том, что были разные цели поездок. Люди ехали отдыхать и осматривать достопримечательности, они вбирали что-то новое. Важно и то, что, как правило, туриста предупреждали, чтобы по возвращении он выступил перед своими коллегами, или по радио, или в печати. Естественно, туристы набирали этот материал, чтобы что-то сказать потом или о чем-то написать. Поэтому некая этнографичность могла вызываться такими целями.

И еще, может быть, они все-таки были немножко запрограммированы, эти статьи. Я попробовал посмотреть по абзацам некоторые из них и разложить «плюсы-минусы», т.е. положительные и отрицательные характеристики страны пребывания. Так вот, отдельные искусные журналисты писали такие статьи просто геометрически, в виде синусоиды: плюс—минус—плюс—минус. От них это требовалось, потому что невозможно было написать только хорошо или только плохо и о Франции, и об Англии, и тем более о США.

Д. ФАЙНБЕРГ: Так же как и строительство социализма, это исследование *work in progress*, поэтому на некоторые вопросы я отвечаю, а некоторые с благодарностью приму к сведению и использую в последующей работе.

Во-первых, вопросы Б. Натанса. Какое-то смешивание между советской и русской личностью, несомненно, существует в некоторых работах, особенно у Кондрашова. Единственный момент, в который журналисты представляют свою

личность категорически социалистической и советской, — когда они встречаются русских эмигрантов. Это могут быть бывшие белогвардейцы, это может быть деревня молокан в Сан-Франциско, все очень любили туда ездить, или просто кто-то русскоговорящий, с кем они сталкиваются на улице, — в этих интеракциях собеседник сразу же показан как дореволюционный русский человек: он говорит на старой русской речи, он показан как менее прогрессивный, и конечно же, ему противопоставляется прогрессивный социалистический журналист, и тогда все рамки становятся очень ясными.

Как мы сравниваем личность, которая развивается в открытом и в закрытом обществе? Вся диссертация посвящена сравнению американских и советских журналистов-международников, которые пересекают так называемый железный занавес. Поэтому я думаю, что в конце работы над диссертацией я смогу ответить на этот вопрос путем сравнения.

Вопросы В.А. Иванова. Я не думаю, что я соглашусь с тем, что Америка выступает в работах международных как настоящий социализм. Америка — это логово капитализма во всех этих публикациях. Могут быть люди, которые менее поддаются влиянию капитализма и разрушению личности, которое происходит при капитализме, но Америка постоянно фигурирует как логово капитализма. Наоборот, мне было очень интересно обнаружить, что иногда они утверждают, что Советский Союз — это наследник настоящих американских принципов. Есть очень интересная статья у Стрельникова, в которой он сам пишет, что СССР наследует принципы Авраама Линкольна, так как он пропагандирует расовое равенство. И это не единичный эпизод.

Насколько многие советские люди знали больше об Америке, чем знали о своей стране? Я думаю, что разные люди знали по-разному и об Америке, и о своей стране. Василий Аксёнов в своих мемуарах о США написал, что очень многие эмигранты думают, что советская пресса всё врёт про то, как Америка загнивает, а когда они приезжают в Америку, то очень разочаровываются, найдя, что врал не так много. Здесь находится Алексей Юрчак, интервью которого подтвердили, что очень много людей после распада социализма, посетившие Запад, очень разочаровались в разнице между тем, что они увидели, и тем, как они его представляли в советское время.

Вопрос Й. Хелльбека: дестабилизация, ее влияние на журналиста? Совершенно верно, у Кондрашова очень сильно видны механизмы восстановления после саморазрушения. Его командировки домой — это восстановление, как он пишет, равновесия, и в недавно найденных мной его дневниках есть некоторые очень интересные пассажи, где он пишет: «Спасибо, родная страна, за твою замечательную природу». Еще одно средство — это кружок себе подобных индивидуумов; советские журналисты жили, так сказать, в таком обществе, они тесно общались между собой, очень часто ездили вместе в командировки по США так, за компанию, встречались, пели песни Окуджавы и так далее. Информация о поддержании кружка общения с себе подобными есть во многих и официальных, и неофициальных публикациях, в них проходит это ощущение общества, в котором они находят свой отдых.

И последнее, опять-таки, как показывает пример Кондрашова, — это писательское творчество. В книге «Путешествие американиста», которую я, в частности,

проанализировала, сама работа Кондрашова над этой книгой предстает как восстановление собственной личности, социалистических аспектов его личности, после того, как она якобы разложилась после его присутствия в Америке. Есть и таинственные эпизоды, вызовы в КГБ во время командировок домой, нам о них очень мало известно, может быть, там тоже восстанавливались личности после разлагающих эффектов.

И о вопросе Л. Манчестер. Я не использую Великую Отечественную войну как метафору и не сравниваю описание Стрельниковым Германии и США. У меня очень сильное подозрение, что он это делает, так как у него поствоенная травма, потому что он всё время возвращается, больше чем кто-либо другой, под разными предложениями к теме фашизма, к теме насилия. Это специфический аспект именно его работ.

Н.Б. ЛЕБИНА: Я воспользуюсь правом руководителя данной секции и сделаю небольшое заключение. Дело в том, что эта секция задумывалась несколько иной. Первоначально в ней должны были быть доклады, которые позволили бы выявить особенности конструирования советской идентичности с помощью государственно-идеологической системы формирования идеальных типов и образов «чужого», до некоторой степени антигероя. В этой секции должны были прозвучать доклады, которые бы показали образ «другого», отделенного не только географической чертой, но и «чужака», который находится рядом с советским человеком. В частности, предполагался доклад моих коллег из Саратова о героях и тунеядцах в советской действительности и сообщение о визуальных способах формирования идеалов советской женщины в 1950–1960-е гг.

Сейчас выступающие маркировали в качестве «чужого» или «другого» людей, проживавших вне СССР. Это, конечно, сужает проблему самоопределения, однако позволяет всё же выделить несколько серьезных вопросов, связанных с реконструкцией механизмов формирования советской идентичности. Доклады помогли вычленил в качестве властных механизмов формирования образов «других» не только вербальные нормативные и нормализующие суждения, но и их визуальные варианты. Достаточно убедительно прозвучала и мысль о процессе расставания советских людей с идеологическими стереотипами, с теми образами «чужих», которые им навязывались.

Несомненным достижением секции является постановка вопроса о ценности, важности и специфичности источников устной истории для реконструкции субъективности. Мы слушали прекрасное выступление Н.П. Тимофеевой, которое создает почву для источниковедческих размышлений.

И в заключение я осмелюсь заметить, что историки не конструируют, а лишь реконструируют прошлое, неизбежно внося в этот процесс элемент современного дискурсивного восприятия исторических событий.